

Езаова М. Ю. Цветовое наименование *цххуэ* в адыгской лингвокультуре: этимология, внутренняя форма, семантика / М. Ю. Езаова, Д. Х. Шугушева, Ф. М. Ашхотова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 66—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-66-84.

Ezaova, M. Yu., Shugusheva, Ju. Kh., Ashkhotova, F. M. (2023). Colour Name ‘Shkhue’ in Adyghe Linguistic Culture: Etymology, Internal Form, Semantics. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 66-84. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-66-84. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-66-84

Цветовое наименование *цххуэ* в адыгской лингвокультуре: этимология, внутренняя форма, семантика

Езаова Мадина Юрьевна

orcid.org/0000-0002-0574-7299

кандидат филологических наук, доцент
кафедры кабардино-черкесского
языка и литературы
madinaezaova@mail.ru

Шугушева Джулета Хабасовна *

orcid.org/0000-0001-7162-5057

кандидат филологических наук, доцент
кафедры кабардино-черкесского
языка и литературы,

* корреспондирующий автор
shugushd@mail.ru

Ашхотова Фарида Муаедовна

orcid.org/0009-0002-6266-9351

заместитель директора центра адыгской
культуры им. А. А. Ципинова
при кафедре кабардино-черкесского
языка и литературы
Flora707@mail.ru

Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

Colour Name ‘Shkhue’ in Adyghe Linguistic Culture: Etymology, Internal Form, Semantics

Madina Yu. Ezaova

orcid.org/0000-0002-0574-7299

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Kabardino-Circassian
Language and Literature
madinaezaova@mail.ru

Juleta Kh. Shugusheva *

orcid.org/0000-0001-7162-5057

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Kabardino-Circassian
Language and Literature,

* Corresponding author
shugushd@mail.ru

Farida M. Ashkhotova

orcid.org/0009-0002-6266-9351

Deputy Director of the Adyghe Culture
Center named after A.A. Tsipinov,
Department of Kabardino-Circassian
Language and Literature
Flora707@mail.ru

Kabardino-Balkarian State University
named after H. M. Berbekov
(Nalchik, Russia)

© Езаова М. Ю., Шугушева Д. Х., Ашхотова Ф. М., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен этимологический и историко-семасиологический анализ слова *цхъуэ*, обозначения одного из самых значимых сакральных цветов в адыгской лингвокультуре. Анализ данной языковой единицы сопровождается исследованием однокоренных слов, группирующихся вокруг основы *цхъуэ*, в современном языке. Цель исследования состоит в изучении историко-семантического развития цветолексемы *цхъуэ* в адыгской лингвокультуре. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые реконструируются генезис и дальнейшее развитие анализируемого слова. В ходе исследования однокоренных слов изучается не только тип семантический отношений, но и возможности сохранения или разрыва (полного или частичного) семантических связей. Результаты: На основе анализа текстов и словарей собраны языковые единицы, образующие гнездо с вершиной *цхъуэ*. Восстанавливается цепь смысловых переходов в данной группе номинаций. Проявляется внутренняя форма производных единиц. Комментируется своеобразие метафор. Установлено, что континуанты данного гнезда реализуют семантические модели, которые характеризуются серийностью и регулярностью. На основе цветообозначения развились другие цветообозначения широкого спектра (все оттенки меняющегося цвета неба), названия птиц как поднебесных обитателей (или по цвету оперения), животных по окрасу шерсти, а также обозначения из сферы магии и народной медицины (лекарства, яда), наконец, слова, обозначающие испуг, помутненное восприятие и др.

Ключевые слова:

этимология; семантика; словообразование; производность; цветонаименование; мифопоэтика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The etymological and historical-semasiological analysis of the word 'shkhue', the designation of one of the most significant sacred flowers in the Adyghe linguoculture, has been carried out. The analysis of this linguistic unit is accompanied by a study of the semantic development and word-formation relations of single-root words grouped around the main generating base, represented by the root word 'shkhue', in the modern language. The purpose of the study is to research the historical and semantic development of the color lexeme 'shkhue' in the Adyghe linguistic culture. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time the genesis and further development of the word is reconstructed, which is at the head of the systemic semantic and word-formation relations between linguistic units united by genetic kinship. In the course of the study of cognate words, not only the type of semantic relations, but the possibilities of maintaining or breaking (full or partial) semantic links are studied. Results: Based on the analysis of texts and dictionaries, language units that form a nest with a 'shkhue' top were collected. The chain of semantic transitions in this group of nominations is restored. The internal form of derived units is clarified. The originality of metaphors is commented. It has been established that the continuants of this nest implement semantic models that are characterized by seriality and regularity. On the basis of color naming, other color naming conventions of a wide range (all shades of the changing color of the sky), the names of birds as inhabitants of the sky (or by the color of their plumage), animals by coat color, as well as designations from the sphere of magic and traditional medicine (drugs, poison), and finally, words denoting fear, blurred perception, etc.

Key words:

etymology; semantics; word formation; productivity; color naming; mythopoetics.

Цветовое наименование *цхъуэ* в адыгской лингвокультуре: этимология, внутренняя форма, семантика

© Езаова М. Ю., Шугушева Д. Х., Ашхотова Ф. М., 2023

1. Введение = Introduction

Актуальность исследования заключается в том, что в историческом адыговедении существует насущная потребность в установлении системных связей между однокоренными словами и выяснении их взаимоотношений в историко-семантическом и сопоставительном плане с привлечением данных из различных областей гуманитарного знания. Историко-семантический анализ служит проверкой логических построений, лежащих в основе семантических изменений слова.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что изучение адыгской цветосемантики проводится в рамках современных направлений лингвистики и будет способствовать лучшему пониманию взаимосвязи между предметом и его цветонаименованием, а также выделению самого цвета из всего спектра его функциональных особенностей. Цветообозначение *цхъуэ* анализируется в аспекте универсальности и этноспецифичности и представляет научный интерес также с точки зрения своеобразия создаваемых метафорических образов. Поставленная цель предполагает решение исследовательских задач, а именно:

- 1) выяснить этимологию исходного слова;
- 2) выявить однокоренные слова и их внутреннюю форму;
- 3) проанализировать семантические и словообразовательные связи между однокоренными словами.

Достоверность исследования опирается на работы ученых в различных областях: этимологии, этимологического значения [Иванов, 1983; Топоров, 1981], исторической семантики и символики [Маковский, 1996; Вежибская, 1996; Хараева, 2007; Рахилина, 2008], мифопоэтики и фольклора [Кудаева, 2008; Кумахов и др., 1998; Маранда и др., 1985].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование проводится в рамках этимологического, историко-семасиологического и лингвокультурологического методов современного гума-

нитарного знания. В исследовании применяется также метод внутренней и внешней реконструкции этимологического значения.

В адыгской цветовой символике сакрально значимыми являются красный / *пльыжъ*, белый / *хужъ*, черный / *флыцлэ*. Четвертым сакральным цветом считается серый / *цхъуэ*. Особенностью последней цветовой номинации является ее одновременная актуализация и в современном узусе также для синего, голубого и зеленого цветов [Кудаева, 2008, с. 268]. Цветовая сложность данного наименования вызывает научный интерес, так как она соотносительна с глубинными пластами языкового сознания.

Приступая к анализу цветовой лексики, следует обратиться к этимологии *цхъуэ*, которая восходит к древнеадыгским словам и имеет параллели в хаттском языке, что было доказано в работе Вяч. Вс. Иванова, который пишет о наличии соответствия между хаттским *wa-šhab* ‘боги’ [Иванов, 1983, с. 7] и языковыми единицами из абхазо-адыгских языков: адыг. *уашхъо* ‘небесный свод’, кабард. *уашхъуэ* ‘вышина неба, небесная синева’, убых. *wāšx̣ʷa* ‘гром и молния, бог’, абх. *Уашхо* и т. п. [Там же, с. 6]. Далее ученый приводит следующие языковые факты: адыгейское *уашъор шхъуантлэ* ‘небо голубое’, при этом прилагательное в адыгском значило ‘зеленый, серый’ (*шхъонтлагъ* ‘зеленый, серый’; *шхъонтлашъу* ‘зеленоватый, сероватый’, кабардинское *шхъуэ* ‘серый, стальной’, *шхъуантлэ* ‘зеленый’) [Там же, с. 7]. Вяч. Вс. Иванов видит возможность установить гипотетическую связь приведенных абхазо-адыгских и хаттского названий неба, бога с праадыгским **šx̣ʷa* ‘волшебство’ (в адыгейском *ушъухъаныгъ* ‘волшебство, колдовство’, *ушъухъэ* ‘волшебный’, *ушъухъан* ‘колдовать’, *шхъо епхын* ‘отравить’, кабардинское *шхъуэ* ‘отрава, яд’) [Там же, с. 7].

Цветовые наименования имеют ярко выраженную национально-культурную специфику и являются значимыми элементами для построения фрагмента национальной картины мира соответствующей лингвокультурной общности. На основании данных о названиях цветов в языке, рассматриваемых в процессе их эволюции, можно судить о его историко-культурном развитии, если понимать под этим развитием порядок появления в языке тех или иных названий цветов [Хараева и др., 2022, с. 2237].

Цветовые обозначения в адыгской картине мира наполнены глубоким символическим смыслом и семантикой, репрезентирующими как вещный мир, так и этнические нравственно-этические и эстетические принципы и устои.

Иллюстративным материалом служат примеры из адыгского героического нартского эпоса, фольклорных текстов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Реконструкция этимологического значения цветолексемы *цхъуэ*

Прежде чем перейти к историко-семасиологическому анализу лексем, объединенных общим корнесловом *цхъуэ*, следует кратко прокомментировать слова выдающегося ученого П. Маранда, который отмечает, что на основе данных, полученных в ходе анализа изложенных в мифах космогонических взглядов, бытующих у разных народов, можно сделать некоторые обобщения. Первоматерия — хаос или пустота — разделена богом Абсолютом на свет и тьму, небо и землю, верх и низ. Оппозиция является фундаментальным логическим признаком, без которого невозможна операция различения и в целом мышление [Маранда и др., 1985, с. 254]. Первые элементы приведенных выше бинарных оппозиций — верх, небо, свет — выступают пространством и источником дальнейшего творения, а действие осуществляется богами. Во многих мифологических традициях небо или бога Неба представляют в виде купола, простирающегося по горизонту в виде крыши [Маковский, 1996, с. 229]. Наивное сознание принимает видимое небо за приплюснутый полушар голубого цвета, уподобляемый своду. В космогонических описаниях отмечается амбивалентность представлений о небе, с одной стороны, как о небесной тверди, твердой оболочке и крыше мира, а с другой — как об огромной жидкой массе, поддерживаемой над землей твердым веществом. У некоторых народов небо понимается как камень иногда голубого цвета. Такое представление о небе как камне существовало, в том числе, и у древних греков. Небо мыслилось как «огромное море или река, по которому плывет солнце» [Маковский, 1996, с. 230]. Естественно, наивное сознание понимает и принимает все эти понятия сквозь призму магии и волшебства. Приведенный анализ космогонических взглядов древних людей показывает, что понятия «бог», «небо», «вода», «твердь», «голубой (о цвете)», «магия» имеют сакральную взаимосвязь.

Таким образом, можно считать достоверным, что этимологическим значением цветовой лексемы *цхъуэ* является комплекс значений, группирующихся вокруг понятий «небо», «боги», «волшебство». Мы исходим из идеи о возможности наличия в смысловой структуре слова некоего измерения (хотя бы потенциального), соотнесенного с «историческим», то есть этимологией этого слова. Потенциальная бесконечность этимологических решений, предлагаемых для исследуемого слова (*цхъуэ*), связана с такой же потенциальной бесконечностью значений слова, в том числе актуальных и пассивных, отражающей и воплощающей один из важнейших принципов языка как знаковой системы [Топоров, 1981, с. 141].

В исследовании адыгского нартского эпоса приводятся убедительные доводы в пользу того, что адыгейское *Уаишхъуэ*, кабардино-черкесское *Уашхъуэ* служат наименованиями древнего божества неба, ср. также в эпосе: *Уаишхъуэ*. Одним из доказательств является употребление этих имен в сочетании с *къан* ‘покровитель’ в адыгской мифологии: *тхъэр зикъ-ан* ‘бог — чей покровитель’, *Лъэпш къан* ‘Тлепш-покровитель’ [Кумахов и др., 1998, с. 255].

Приведем контексты: *Апхуэдэ шу / Нарт Хэкум имыс, / Мы Уаишхъуэ ди къан* [Нарты, 1995, с. 179] (Такого всадника нет в стране нартвов, / О наш Уашхо-покровитель); *Уаишхъуэ, мыр сыту тельдыджацэ!* [Там же, с. 29] (Уашхо, какое великое диво); *Уаишхъуэу, си тхъэмыгъэцI* [Там же, с. 100] (Наш преданный Уашхо).

Один из признаков неба, понимаемого как твердь, лежит в основе почетительного именованя бога *Уаишхъуэ* «серым камнем» — именно так буквально переводится клятвенная формула: *Уаишхъуэ, мываишхъуэ. Ар сэ си тхъэрылуэц!* [Нарты, 1995, с. 30] (Уашхо, серый камень. Клянусь).

3.2. Реконструкция этимологического гнезда и его состав

Лексемы, объединенные общим корнесловом *ишхъуэ*, образуют этимологическое гнездо. Слова, формирующие гнездо, могут быть связаны словообразовательными актами, но практика изучения однокоренных слов показывает, что подобные связи бывают нарушены, «хотя этимологическое гнездо и предполагает былые, утраченные связи» [Штейнберг, 1976, с. 5]. Структурно этимологическое гнездо может включать самостоятельные группы слов, объединенные общностью значения, способом образования или функциональной спецификой. Принадлежность слова к определенному генетическому комплексу, каким является этимологическое гнездо, определяется общностью корня и в большинстве случаев общепредметным значением корневого слова. Однако и значение корня, и его фонетическое оформление бывают настолько модифицированы, что принадлежность слова к определенному этимологическому гнезду может быть установлена только в ходе этимологического и мотивационного анализа, путем внешней и внутренней реконструкции [Езаова, 2018, с. 117]. Первостепенной задачей является установление состава гнезда. Как пишет Н. В. Пятаева, «изучение лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих формирование, развитие и распад лексических гнезд, — важнейшая задача диахронической дериватологии, объектом которой и является этимологическое гнездо» [Пятаева, 2005, с. 116]. Изучение изменений значения в диахронии требует строгой последовательности анализа в соответствии с исторической соотнесенностью того или иного значения слова с реальией, им обозначающейся. Но, к сожалению, данный принцип не работает по отношению к лек-

сическим единицам, принадлежащим к языкам, не имеющим длительной письменной традиции. На практике это выливается в поиск опоры на более поздние значения рефлексов предполагаемой исходной идеи с учетом доступных сведений о культурно-историческом фоне появления или функционирования слов, а «иногда остается полагаться, в конечном счете, на интуицию и на здравый смысл» [Эдельман, 2005, с. 18] носителей языка.

Семантико-мотивационный анализ является единственным надежным средством подкрепления логических построений при реконструкции значения слова и его изменения. Сложность выявления состава анализируемого гнезда состоит в том, что, несмотря на древность письменного памятника «Нарты», который является источником иллюстраций, кабардино-черкесский язык относится к младописьменным языкам, а это значит, что не существует ранней лексикографической фиксации значений анализируемых слов. Поэтому такое значение приобретают мотивационный анализ, опирающийся на внутреннюю форму исходной и производной лексем, метод внутренней реконструкции, анализирующий иерархические связи и соотношенность между единицами одного уровня, и концептуальный анализ, при помощи которого можно выявить концептуальные цепочки, объединяющие слова.

В своем исследовании мы исходим из следующего положения: «Этимологическое гнездо представляет собой формальное и концептуальное единство. Асимметрия, существующая между планом выражения и планом содержания лексических единиц, связанных генетическим родством, носит моделируемый характер. Закономерности данного моделирования связаны, во-первых, семантическим единством слова, лежащего в основе данного лексико-семантического поля. Во-вторых, этимологическое гнездо представляет собой строгую иерархизированную систему мотивировок, которая проявляется в динамике» [Хараева, 2007, с. 214]. Высказанное выше предположение, основывающееся на реконструкции этимологического значения цветолексем *цхъуэ*, а именно комплекс значений, группирующихся вокруг понятий «небо, боги, волшебство», позволяет с большой долей определенности предложить состав этимологического гнезда, представленного ниже.

3.3. Состав этимологического гнезда с вершиной *цхъуэ* «серый»

Анализ художественного текста кабардино-черкесского нартского эпоса и метод сплошной выборки из словаря кабардино-черкесского языка [Словарь ..., 1999] позволяет выделить лексемы, образующие этимологическое гнездо *цхъуэ* «серый».

3.3.1. Лексемы, обозначающие цвет, включая производные корнеслова *цхъуэ*

Можно предполагать, что наблюдения за постоянным изменением цвета неба и воды в зависимости от погоды привели к появлению значений

у сложных композитов, обозначающих оттенки цвета. Наряду с собственно словом *цхъуэ* ‘серый’ к данному гнезду принадлежат следующие языковые единицы:

цхъуакIэ ‘переливающийся цвет’ [Словарь ..., 1999, с. 785], букв. «окончание серого / голубого»: *цхъуа(э)* (корневая морфема со значением ‘серый’) + *кIэ* (корневая морфема со значением ‘конец’);

цхъуэпс ‘чисто серый’ [Там же, с. 786], *цхъуэ* (корневая морфема) + *пс* (суффикс усиления значения);

цхъуантIэпс ‘ярко-зеленый’, ‘ярко-голубой’ [Там же, с. 785]: *цхъу(а)* (корневая морфема) + *н* (наращение) + *тIэ* (суффикс состояния) + *пс* (суффикс усиления значения);

цхъуантIэ-сырыху ‘бледно-зеленый’, ‘бледно-голубой’ [Там же, с. 785]: *цхъу(а)* (корневая морфема) + *н* (наращение) + *тIэ* (суффикс состояния) + *сырыху* (корневая морфема со значением ‘бледный’);

цхъуантIэ-сырыхуфэ ‘серовато-зеленый’, ‘голубоватый’ [Там же, с. 786]: *цхъу(а)* (корневая морфема) + *н* (наращение) + *тIэ* (суффикс состояния) + *сырыху* (корневая морфема со значением ‘бледный’) + *фэ* (корневая морфема со значением ‘цвет’);

цхъуантIэ-фIыцIафэ ‘темно-зеленый’, ‘темно-голубой, серовато-зеленый, голубоватый’ [Там же]: *цхъу(а)* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *н* (наращение) + *тIэ* (суффикс состояния) + *фIыцI(а)* (корневая морфема со значением ‘черный; темный’) + *фэ* (корневая морфема со значением ‘цвет’);

цхъуафэ ‘сероватый’ [Там же]: *цхъу(а)* (корневая морфема) + *фэ* (корневая морфема со значением ‘цвет’);

цхъуэ-уэгуш ‘серый в крапинку’ [Там же]: *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *уэгуш* (корневая морфема со значением ‘веснушки’);

цхъуэ-удзыфэ ‘сериозно-зеленый’ [Там же]: *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *удз* (корневая морфема: *трава*) + *фэ* (корневая морфема со значением ‘цвет’);

цхъуэ-цIыхуфэ ‘серый с синим’, ‘сериозно-зеленый’ [Там же]: *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *цIыху* (корневая морфема со значением ‘голубой; синий’) + *фэ* (корневая морфема со значением ‘цвет’).

Как можно заметить, оттенок цвета выражен, как правило, второй основой сложного слова: *сырыху* — светлый, бледный, *сырыхуфэ* — светловатый, бледноватый, *фIыцIафэ* — черный, темный, *удзыфэ* — зеленый, зеленоватый, *цIыхуфэ* — синий, синеватый.

Производные анализируемого корня могут служить для характеристики внешнего облика, внешних проявлений состояния человека, поведения:

цхъуэц в составе фразеологизма *цхъуэцыр тэджын* ‘1. посинеть от холода; 2. окрыситься, лезть в бутылку’ [Карданов, 1968, с. 314]: букв. «серый, голубой волос», выражает значение ‘сери-зеленый’: *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *цы* (корневая морфема со значением ‘волос’);

цхъуабзэ ‘внешний вид’ [Словарь ..., 1999, с. 785], букв. «сотворенный, искусственно созданный (выкроенный) внешний вид», основывается на цветовой характеристике ‘сери-зеленый’: *цхъу(а)* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *бз (э/н)* (корневая морфема со значением ‘кроить’).

Ряд сложных слов прямо или опосредованно актуализируют связь объекта номинации с небом по месту обитания, цвету или мифологическим мотивам:

уацхъуэ ‘небо’ [Там же, с. 647], букв. «небо голубое, серое»: *уа / уэ* (корневая морфема со значением ‘небо’) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’);

бгъацхъуэ ‘степной орел’ [Там же, с. 38], букв. «серый орел»: *бгъэ* (корневая морфема со значением ‘орел’) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’);

пцлацхъуэ ‘ласточка’ [Там же, с. 581], букв. «серая птичка»: *пцла* (корневая морфема со значением ‘птичка’) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’);

блацхъуэ ‘гадюка’ [Там же, с. 50], букв. «серая змея»: *блэ* (корневая морфема со значением ‘змея’) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’);

блацхъуэжъей ‘гремучая змея’ [Карданов, 1968, с. 39], *блэ* (корневая морфема со значением ‘змея’) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *жъей* (суффикс, обозначающий потомство).

Если указанные выше слова позволяют выстроить концептуальную цепочку НЕБО — ПТИЦА (орел, серая птичка), то последнее слово-комполит отсылает к адыгской мифопоэтике. Известный исследователь адыгского фольклора З. Ж. Кудаева предлагает следующую гипотезу: символ «змея» (*блэ*) связан с космогоническими представлениями, одновременно с небом и хтоническим миром. Чудовищные змеи воплощают космос в целом или хаотическую энергию подземных миров. Представления о связи змеи с «небесной водой» проявляются в обрядах с целью вызова дождя. Существование представления о змее как о божественном начале, связанном с огнем (небесным и подземным), выявляется в образах адыгского божества грома и молнии *Щыблэ* — разлагается на *Щы* (корневая морфема со значением ‘три’) и *блэ* (корневая морфема со значением ‘змея’), которое представлялось адыгам в образе змей, перенесенных с земли на небо.

В адыгской мифопоэтической традиции, как и во многих развитых мифологических системах, в образе змея присутствуют черты дракона *Благъуэ*, воплощающего водный хтонический мир, которому приносятся в жертву девушки [Кудаева, 2008, с. 215—218].

3.3.2. Лексемы гнезда с вершиной *цхъуэ*, сохраняющие семантическую связь с волшебством, магией

Семантика колдовства, магии так или иначе присутствует в следующих языковых фактах:

цхъуэ ‘отрава, яд’ [Словарь ..., 1999, с. 786], букв. «серое (темное) вещество»;

цхъухъпсыхъ ‘колдовское зелье’ [Там же, с. 786]: *цхъу* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *хъ* (корневая морфема со значением ‘носить’) + *псы* (корневая морфема со значением ‘вода’) + *хъ* (корневая морфема со значением ‘носить’);

цхъухъпсыхъзехъэ ‘занимающийся магией, колдовством’ [Там же]: *цхъу* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *хъ* (корневая морфема со значением ‘носить’) + *псы* (корневая морфема со значением ‘вода’) + *зе* (преверб) + *хъ(э)* (корневая морфема со значением ‘носить’);

цхъухъ цхын ‘отравиться, потерять контроль над собой’ [Там же], *цхъу* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *хъ* (корневая морфема со значением ‘носить’) + *цхын* (глагол со значением ‘съесть’);

цхъуэ ехын ‘отравить кого-либо’ [Там же]: *цхъу(э)* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *ехын* (глагол со значением ‘применить к кому-либо’);

гурьцхъуэ ‘подозрительность’ [Там же, с. 78]: *гу* (корневая морфема со значением ‘сердце’) + *ры* (интерфикс) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый, темный’);

гурьцхъуэ цфын ‘сердце затуманить, заподозрить, почуять что-то недоброе’ [Карданов, 1968, с. 66]: *гу* (корневая морфема со значением ‘сердце’) + *ры* (интерфикс) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый, темный’) + *цфын* (глагол со значением ‘сделать’);

хуцхъуэ ‘лекарство’ [Словарь, 1999, с. 721], букв. «серое в пищеводе»: *ху* (корневая морфема со значением ‘пищевод’) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’);

луэцхъун ‘бредить, бормотать’ [Там же, с. 841], букв. «уста в серости», выражает значение ‘бес сознания’: *луэ* (корневая морфема со значением ‘уста’) + *цхъуэ* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’) + *н* (суффикс инфинитива);

цлэцхъу ‘ошибка, оплошность’, ‘попасть впросак’ [Там же, с. 811], букв. «действие в сером», выражает значение ‘отрицательное действие,

чаще неосознанное’: *цІэ* (корневая морфема со значением ‘сделать’) + *цхъу* (корневая морфема со значением ‘серый; голубой’);

зэхзехцхъуэ ‘спутать, перепутать что-либо, не опознать кого-либо, напустить туман’ [Там же, с. 251]: *зэ* (префикс множественности) + *хэ* (префикс направительный) + *зе* (префикс направительный) + *цхъуэ* (корневая морфема).

Количество лексем, выявленных в словарях и проанализированных в данном исследовании, составляет 28.

3.4. Семантическое развитие цветолексем *цхъуэ*

Анализ лексем, составляющих этимологическое гнездо с вершиной *цхъуэ*, логично начинать с осмысления исходного цвета, который, как показано выше, связывается с восприятием цвета неба: *уацхъуэ* ‘небо’ < *уа* / *уэ* + *цхъуэ* [Словарь ..., 1999, с. 647], букв. «небо + серое». Небо в космогонии древних адыгов ассоциировалось с серым камнем. На основе метафорического переноса название неба и божества становится одновременно обозначением цвета неба. Эта сакральная связь между серым небом и серым камнем находит отражение в древней клятве: *Уэ уацхъуэ мывацхъуэ кланэ, къысхуэфцІ си унафклэ* [Нарты, 1995, с. 190] (Клянусь небом и серым камнем (каменный тотем), для меня ваш наказ — закон).

Особенность адыгского мировосприятия проявляется в осмыслении изначального цвета неба как серого, в то время как в других лингвокультурах, как указывает А. Вежбицкая, эталонным цветом неба обычно выступает синий: «Во многих языках концепт “синего цвета” связан с концептом “небо”» [Вежбицкая, 1996, с. 257].

В дальнейшем цветолексема *цхъуэ* в значении ‘серый’ стала служить определением при описании различных животных: *Бгъацхъуэр къэсри Сосрыкъуэ и дамэм къытетІысхъац* [Нарты, 1995, с. 53] (Прилетел серый орел и сел на плечо Сосруко); *Бажацхъуэр сІыгъыу си цІасэм дэж сыкІуэжри* [Там же, с. 188] (Я отнес своей любимой девушке серую лису); *...Бжэныцхъуэ дахэ и цыпэхэр дыцэм хуэдэу дыгъэм пэлыду* [Там же, с. 190] (...Дикая серая козочка, покрытая шерстью, сверкающей золотом на солнце).

В адыгских языках присутствует лексема *цхъуэжъ* ‘матерый’, характеризующая обычно старого волка или седого человека. Слово имеет прозрачную внутреннюю форму: формант *жъ* ‘старый’ указывает на преклонный возраст, опыт, матерость.

Признак высоты лежит в основе номинации птицы ласточки — *цІлацхъуэ*, «серой птички», летающей, как известно, высоко в небе: *Аргуэру ирихъэжъэри цІлацхъуэр здымыгъэтыф къыр зэхуакум дихъац* [Там же, с. 36] (Опять взлетел с ним туда, куда ласточка не долетает).

Интересным фактом является то, что в адыгском нартском эпосе встречаются альтернативные обозначения для серого коня: *Ар жиІэц Сосрыкъуэми / Ар ежъэным хуэпІацІэу / Саур уанэр къыщІех, / Тхъуэ-жъежъ бгъэдохъэри / Щтауч Іусыр Іуредзэ* [Нарты, 1995, с. 62] (Сказав это, Сосруко / Спеша в путь / Вынес сафьяновое седло / подходит к Тхо-жеижу / и быстро дает кремневый корм). В данном примере употреблен вариант *шъхъуэ / цхъуэ — тхъуэ* ‘серый, гнедой’, где вместо *шъ / ш* выступает *т*: *тхъуэ — пльы* ‘рыжий, гнедой’ (<*пльы*> ‘красный’) [Урусов, 1980, с. 126—127].

Таким образом, четко выделяется группа слов, называющих животных и птиц по признаку цвета шерсти, оперения и признаку старости через цветовой признак седины.

Последующий анализ словообразовательных и семантических связей, существующих между производными словами, позволяет говорить с достаточной степенью аргументированности, что именно значение цвета является наиболее продуктивным в семантическом аспекте, так как оно лежит в основе формирования однокоренных слов. Рассмотрим производные слова и значения, образующие этимологическое гнездо слов, объединенных вокруг слова *цхъуэ* и его семантического варианта *цхъуантэ*, имеющего значения ‘синий’ и ‘зеленый’. Наиболее точно цвет, подразумеваемый при употреблении цветовой лексемы, как правило, можно охарактеризовать исходя из контекста, например: *Нарт Пэныкъуэм шабзэр едзри / Уафэ цхъуантэм дрехуей* [Нарты, 1995, с. 68] (Нарт Пануко послал стрелу / Она взлетела до синего неба).

В другом контексте эта цветолексема имеет значение уже зеленого неба. *ЖеІэр Сэтэнейми, Ашэмзым / Тхъэгъэлэдж бжъамийри къыІэцІелъхъэ. / МувыІэжуи нарт санэхуафэр / Уафэ цхъуантІэм зэпхопсэлъыкІ* [Там же, с. 250] (Говорит Сатаней, и Ашамазу / дает бжами (флейта) Тхагаледжа. / Нескончаемые звуки нартского веселья / пролетают аж сквозь зеленое небо). Второе значение — зеленого неба — объясняется, на наш взгляд, контекстом отрывка, в котором речь идет о божестве растительности, плодородия Тхагаледже, благодаря которому земля покрывается зелеными травами и деревьями и даже небо зеленеет.

Этот случай, когда одна и та же лексема может обозначать не один, а два, три цвета, не единичен. Это явление встречается и в цветовых системах других языков, подтверждением чему являются примеры, приводимые А. Вежицкой, которая пишет, что в японском языке существует термин *aoi* для обозначения синего и сине-зеленого, ярко-зеленого, а также термин *midori* для зеленого, которые не являются взаимоисключающими среди основных цветообозначений [Вежицкая, 1996, с. 248].

Назовем далее производные слова в значении ‘зеленый’: *цхъуантлагъэ* ‘зелень’, *цхъуантлафэ* ‘зеленоватый, голубоватый’, *цхъуэнтлэн* ‘зеленеть’ [Словарь ..., 1999, с. 785—786].

Отметим, что в адыгских языках существует также иное наименование для зеленого цвета, появившееся позднее: *удзыфэ*, производное от *удз* ‘трава’.

Признак цвета положен в основу наименований *цхъуэмч* (-мч — суффикс, усиливающий признак предмета) ‘плод каштана посевного’, *цхъуэмч жыг* (*жыг* ‘деревцо’) ‘каштан посевной, культурный’, *цхъуасэ* (*сэ* (*н*) со значением ‘посадить’) бот. ‘синяк обыкновенный’ [Там же, с. 786].

Анализ слов позволяет заключить следующее: существование параллельных наименований для цветов *удзыфэ* ‘зеленый’, *цлыхуфэ* ‘синий’ наряду с *цхъуэ* в значениях ‘серый’, ‘голубой’, ‘синий’, ‘зеленый’ говорит о более позднем происхождении первых и древности исследуемого слова. Сохранение дополнительных значений у слова *цхъуэ* указывает на его значимое место в системе корнесловов в адыгских языках. Своеобразием отличается значение ‘переливающийся, пестрый, многоцветный’, которое присутствует в производных словах: *цхъуэкIэ* — переливающийся: о цвете от серо-сине-зеленого до серо-бирюзового; *цхъуэкIэплъыкIэ* — цветастый, яркий, пестрый; *цхъуэкIэплъыкIэу* — цветасто, ярко, пестро [Там же, с. 786]. Ср.: *ЦхъуэкIэплъыкIэу зехуапэ* [Нарты, 1995, с. 180] (Одевает цветные одежды); *Дунейр цхъуэкIэплъыкIэм зэцIицтауэ* [Там же, с. 270] (Мир стал многоцветным, ярким); *Уэ зи цлыхуфэ цхъэрацхъэ, / Зи цIагъыр цхъэрибл* [Там же, с. 417] (Снаружи кружево, / Внутри семицветное).

Признак цвета положен в основу глаголов *афэцхъуафэн* ‘менять цвет’, *цхъуэнтлэн* ‘зеленеть’, *уыцхъуэ(н)тIын* ‘посинеть’ [Урусов, 1980, с. 126—127], например: *Сэтэней и Iэлыныр афэцхъуафэу зэцIонэри лъыфэ-плъыфэ мэхъуж* [Нарты, 1995, с. 133] (Кольцо Сатаней меняет цвет на кроваво-красный).

Этот контекст позволяет предположить, что лексема на базе метонимического переноса способна выражать смысл ‘любой цвет’, а затем становится возможным появление производного глагола ‘меняться по цвету, менять цвет’. Отсюда и *цхъуабзэ* ‘внешний вид’. В этих семантических трансформациях следует искать и основания для появления глаголов и глагольных сочетаний типа *цхъуэцыр тэджын* ‘зябнуть’ [Словарь ..., 1999, с. 785], так как в этом случае также релевантен признак цвета: < *цхъуэц* ‘светлые или седые волосы на теле’, где *цы* означает ‘шерсть’.

3.5. «Магические» значения слова *цхъуэ* и его дериватов

Мы исходим из мнения, что этимологическое значение *цхъуэ* изначально является диверсифицированным. Выше уже говорилось о том, что

символика неба включает в себя смыслы магии и волшебства. Реконструкция историко-семантического развития лексемы *цхъуэ* позволяет выдвинуть гипотезу о первичности этого значения, изначально присутствующего в рассматриваемом этимологическом комплексе. Этимологическое значение ‘магия, волшебство, колдовство’ и его рефлексy представлены в исходных и производных словах изучаемого гнезда: *цхъуэ* ‘отрава, яд’, *цхъухъпсыхъ* ‘колдовское зелье’, *гурыцхъуэ* ‘колдовство’, *цхъухъпсыхъзехъэ* ‘занимающийся магией, колдовством’, *цхъухъ цхын* ‘отравиться, потерять контроль над собой’, *цхъуэ ехын* — ‘отравить кого-либо’ [Словарь ..., 1999, с. 785—786].

Можно провести параллель с русскими словами *зеленый* — *зелье*. Е. В. Рахилина пишет: «Зеленый цвет человеческого глаза является более естественным, особенно для женщин, но ассоциируется с колдуньями и ведьмами, которые в русской картине мира так же обязательно зеленоглазы, как черт хром»; «Волосы русалок в русских сказках также имеют зеленый цвет» [Рахилина, 2008, с. 185—186].

Развитие значений яда, зелья, отравы у слов, производных от обозначений растений, является универсальным (травы использовались в народной магии и народной медицине), как и придание этим цветам (серый, синий, голубой и зеленый) магического, колдовского значения. Поэтому появление значения ‘яд’ у *цхъуэ*, обозначающего зеленый цвет в числе прочих, кажется закономерным: *ЩхъухъкІэ Бэдын ягъэлІэну а нарт гуыр зэгурьІуац* [Нарты, 1995, с. 161] (Та группа нартвов договорилась отравить Бэдына); *Бжэ хуэцхъэхуэ* [Там же, с. 167] (Отравленное сано, хмельной напиток у нартвов); *Блацхъуэжъеибли къыхъклати къэуэгъуэ ярымьту цупцІатэри нартхэм езауэрэ зэтриукІац, къэнари зэбгырихуац* [Там же, с. 170] (Оттуда выползли семь ядовитых змей, но, не давая им напасть на него, их всех разрубил и, воюя, убил всех нартвов, оставшихся разогнал); *ЩхъухъпсыхъкІэ сыкъыпхуэкІуакъым* [Там же, с. 266] (Я не пришел с колдовством); *Гуацэу цыІэм я нэхъ Іейц. / Уд цхъухъпсыхъыцІэц* [Там же, с. 109] (Самая дурная из гуаш / ведьма, отравительница); *Бырымбыхуэ нарт гуацэ, / Щхъухъфэхъэр зыгъапцІэ / нартхэм гурыцхъуэ ярымьгъэцІын цхъэкІэ* [Там же, с. 117] (Бырымбыху гуаша (имя нартской героини, известной колдуньи) нартвов, / варительница зелий, / чтобы нартвы не догадались о ее колдовстве).

На основе метафорического переноса *гурыцхъуэ* приобретает значение зла, беды, плохого предчувствия. Интересно само происхождение слова, состоящего из двух основ: *гу* ‘сердце’ + *цхъуэ* ‘беда, предчувствие’, то есть «предчувствие, локализованное в сердце», что закономерно, так как именно сердце является квазиорганом, местом зарождения чувств, эмо-

ций: *Абы гурыцхъуэ ицІри и нэ цІыкІухэр кѳиж хъуац*. — Он почувал что-то недоброе и выпучил свои глазки [Сказки ..., 1959, с. 25].

Со временем у производного слова *хуцхъуэ* (*ху* ‘пищевод’ + *цхъуэ* ‘серый, голубой’; букв. «серое в пищеводе, лекарство») развиваются противоположные ‘яду’ значения ‘лекарство’, ‘целебная трава’ и т. д. [Словарь..., 1999, с. 721]: *Дунейм абы ирамышъэла хуцхъуэгъуэ цыІэтэкъым* [Нарты, 1995, с. 189] (Ей давали существующие во всем мире лекарства); *тхъэмпэ хуцхъуэхэр* [Там же, с. 205] (целебные травы).

Со значением ‘яд, отрава’ может быть связана и семантика производного глагола *цІэгъэцхъуэн* ‘закалять (о металле)’. Появление значения ‘яд, отрава’ у цветономинаций со значениями ‘серый, синий, зеленый’ имеет экстралингвистический характер. Как известно, медь — один из первых металлов наряду с золотом, которые человек научился добывать и обрабатывать. В ходе практической деятельности человек приобрел знание о том, что медь в соединении с кислородом приобретает синий оттенок, при этом новые химические соединения небезопасны и представляют яд для человека. По всей видимости, знание о том, что любой металл в ходе обработки приобретает иной оттенок, нашло свое выражение в значении «меняться в цвете». Впоследствии значение глагола *цІэгъэцхъуэн* ‘меняться в цвете’ в результате метафорического переноса приобретает значение ‘закаляться (о металле)’, потому что цвет меняется в процессе закаливания: *Сабийм и Іэпкълъэпкъыр жырым хуэдэу игъэцхъуац* [Нарты, 1995, с. 29] (Тело ребенка закалил как сталь). В данном отрывке речь идет о нартском герое Сосруко (стальном), рожденном из камня и закаленном в кузне.

Магические смыслы воплотились, вероятно, также в обозначениях спутанности сознания и испуга:

зэхъэцхъуэ ‘спутать, перепутать что-либо, не опознать кого-либо, напустить туман’ [Словарь ..., 1999, с. 251]: *зэ* (префикс) + *хэ* (префикс) + *зе* (префикс) + *цхъуэ* (корневая морфема). Ср.: *Къэуша сабийм унэм цІэс хъэцІэм Іуплъэри, зэхъэцхъуэн ицІу, къэгъац* [Сказки ..., 1959, с. 63] (Проснувшийся ребенок взглянул на гостя, и не узнавая его, заплакал);

АпхуэдизкІэ сышынаци, си цхъуэцыр тэджат [Сказки ..., 1959, с. 17] (Я испугался так, что у меня волосы встали дыбом). Ср.: *цхъуэц* — букв. «серый волос».

4. Заключение = Conclusions

Анализ этимологического гнезда с вершиной *цхъуэ* «серый» в кабардино-черкесском языке демонстрирует, что слово-этимон, актуализирующее концепт как «сгусток знания», задает продуцирование комплекса взаимосвязанных значений. Производные слова, оставаясь «телом знака»,

отражают развивающуюся структуру знания, а значение знака меняется и его роль заключается в активизации структуры знания, с которым оно соотносится. Результатом развития слова-этимона является формирование лексико-семантической группы слов, появляющихся вследствие словообразовательных актов. Исходная идея, заключающаяся в слове-этимоне, задает на концептуальном уровне связь со значениями производных слов. На языковом уровне это находит выражение в многозначности слов, образующих генетическую парадигму. Многозначность вершинного слова этимологического гнезда проявляется в режиме регулярной полисемии. Исходная идея, модифицируемая путем метонимических и метафорических переносов, так или иначе сохраняется при производстве новых слов.

Результаты анализа семантики соотносительных адъективных цветообозначений, являющихся также элементами этимологического гнезда *цхъуэ*, в текстах адыгского нартского эпоса с очевидностью демонстрируют следующее:

- цветообозначения представляют лексическую группу, которая отражает как объективную цветовую гамму, так и ее доминантное восприятие в лингвокультурном сообществе;

- общее для всех физическое восприятие цвета в разных лингвокультурах находит специфическое преломление в адыгском нартском эпосе;

- одним из универсальных критериев выделения цветолексемы как художественного средства в эпическом тексте является сохранение в семантике ее предметного значения, ее принадлежности к цветовой категории, одной из основных базовых структур человеческого сознания;

- цветообозначения могут выступать в качестве словообразовательных компонентов, подтверждением чему является регулярность, серийность данных образований [Езаова и др., 2022, с. 39].

Второй семантический комплекс слов связан с отсылками к образу неба: 'синяя птичка', 'орел'.

Третьей траекторией семантического развития слова *цхъуэ* являются значения, отсылающие к представлениям о магии, волшебстве. Дальнейшее разворачивание идет в сторону появления производных, в значениях которых присутствуют семы 'яд', 'ядовитый' и 'лекарство', и далее формируются дериваты, передающие смыслы 'предчувствие', 'ошибка', 'испуг', 'измененные состояния' и т. д.

В ходе логических операций происходят вполне объяснимые с языковой точки зрения семантические переносы. Важно отметить, что они обусловлены семантикой этимона и характеризуются системностью организации гнезда номинаций, скрепленного этимологическим значением цветолексемы *цхъуэ* [Хараева, 2007, с. 217].

Слово *цхъуэ* выступает в роли продуктивной корневой основы. Значения производных слов развивают семантику, заложенную в этимологическом значении исходного слова.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники

1. Карданов Б. М. Кабардинско-русский фразеологический словарь / Б. М. Карданов. — Нальчик : Эльбрус, 1968. — 342 с.
2. Карданов Ч. Э. Кабардинские народные сказки / Ч. Э. Карданов. — Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. — 87 с.
3. *Нарты* : кабардинский эпос. — Нальчик : Эль-Фа, 1995. — 559 с.
4. *Словарь* кабардино-черкесского языка. — Москва : Дигора, 1999. — 860 с.

Литература

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. — Москва : Русские словари, 1996. — 416 с. — ISBN 5-89216-002-5.
2. Езаова М. Ю. Структура и семантика цветообозначения в адыгском нартском эпосе / М. Ю. Езаова, Д. Х. Шугушева // *Philologos*. — 2022. — № 1 (52). — С. 35—40. — DOI: 10.24888/2079-2638-2022-52-1-35-40.
3. Езаова М. Ю. Структурно-семантические и прагма-коммуникативные характеристики лексико-семантического поля «родство» в кабардино-черкесском языке: лингвокультурный аспект : диссертация ... кандидата филологических наук / М. Ю. Езаова. — Майкоп, 2018. — 117 с.
4. Иванов В. В. Интерпретация текста хаттско-хеттского строительного ритуала (в свете данных внешнего сравнения) / В. В. Иванов // *Текст: семантика и структура*. — Москва : Наука, 1983. — С. 5—36.
5. Кудалева З. Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры / З. Ж. Кудалева. — Нальчик : Эльбрус, 2008. — 293 с. — ISBN 978-5-7680-2166-5.
6. Кумахов М. А. Нартский эпос : язык и культура / М. А. Кумахов, З. Ю. Кумахова. — Москва : Наследие, 1998. — Книга 2. — 312 с. — ISBN 5-201-13304-5.
7. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : образ мира и миры образов / М. М. Маковский. — Москва : ВЛАД-ДОС, 1996. — 415 с. — ISBN 5-87065-101-8.
8. Маранда П. Структурные модели в фольклоре / П. Маранда, Э. Кенгас-Маранда // *Зарубежные исследования по семиотике фольклора*. — Москва : Наука, 1985. — С. 194—260.
9. Пятаева Н. В. От лексического гнезда к генетической парадигме: к проблеме динамического описания лексической системы языка / Н. В. Пятаева // *Вестник Оренбургского Государственного университета*. — 2005. — № 11. — С. 115—121.
10. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен : семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. — Москва : Русские словари, 2008. — 417 с. — SBN 5-93259-016-5.

11. Топоров В. Н. Ведийское гта-: к соотношению смысловой структуры и этимологии / В. Н. Топоров // Этимология (1979). — Москва : Наука, 1981. — С 139—156.
12. Урусов Х. Ш. Морфемика адыгских языков / Х. Ш. Урусов. — Нальчик : Эльбрус. — 1980. — 402 с.
13. Хараева Л. Х. Когнитивное моделирование этимологических гнезд в разно-системных языках (на материале французского и кабардино-черкесского языков) / Л. Х. Хараева. — Нальчик : Эль-Фа, 2007. — 218 с.
14. Хараева Л. Х. Цветовая триада «черный-белый-красный» в адыгской картине мира и ее функционирование в художественном дискурсе / Л. Х. Хараева, М. Ю. Езаова, Д. Х. Шугушева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — № 7. — С. 2232—2238.
15. Штейнберг Н. М. Аффиксальное словообразование во французском языке / Н. М. Штейнберг. — Ленинград : ЛГУ, 1976. — 204 с.
16. Эдельман Д. И. Проблемы исторической лексикологии иранских языков и «Этимологический словарь иранских языков» / Д. И. Эдельман // Вопросы языкознания. — 2005. — № 3. — С. 3—23.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023,
одобрена после рецензирования 13.05.2023,
подготовлена к публикации 22.05.2023.

Material resources

- Dictionary of the Kabardian-Circassian language.* (1999). Moscow: Digora. 860 p. (In Russ.).
- Kardanov, B. M. (1968). *Kabardian-Russian Phraseological Dictionary*. Nalchik: Elbrus. 342 p. (In Russ.).
- Kardanov, Ch. E. (1959). *Kabardian folk tales*. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house. 87 p. (In Russ.).
- Narts: Kabardian epic.* (1995). Nalchik: El-Fa. 559 p. (In Russ.).

References

- Edelman, D. I. (2005). Problems of historical lexicology of Iranian languages and “Etymological dictionary of Iranian languages”. *Problems of linguistics*, 3: 3—23. (In Russ.).
- Ezaova, M. Yu. (2018). *Structural-semantic and pragma-communicative characteristics of the lexical-semantic field “kinship” in the Kabardino-Circassian language: linguistic and cultural aspect*: PhD. Diss. Maykop. 117 p. (In Russ.).
- Ezaova, M. Yu., Shugusheva, D. Kh. (2022). Structure and semantics of color designation in the Adyghe Nart epic. *Philologos*, 1 (52): 35—40. DOI: 10.24888/2079-2638-2022-52-1-35-40. (In Russ.).
- Ivanov, V. V. (1983). Interpretation of the text of the Hattian-Hittite building ritual (in the light of external comparison data). In: *Text: semantics and structure*. Moscow: Nauka. 5—36. (In Russ.).
- Kharaeva, L. Kh. (2007). *Cognitive modeling of etymological nests in languages of different systems (based on the French and Kabardino-Circassian languages)*. Nalchik: El-Fa. 218 p. (In Russ.).
- Kharaeva, L. Kh., Ezaova, M. Yu., Shugusheva, D. Kh. (2022). Color triad “black-white-red” in the Adyghe picture of the world and its functioning in artistic discourse. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 7: 2232—2238. (In Russ.).

- Kudaeva, Z. Zh. (2008). *Mythopoetic model of the Adyghe verbal culture*. Nalchik: Elbrus. 293 p. ISBN 978-5-7680-2166-5. (In Russ.).
- Kumakhov, M. A., Kumakhova, Z. Yu. (1998). *Nart epic: language and culture*, 2. Moscow: Heritage: 312 p. ISBN 5-201-13304-5. (In Russ.).
- Makovsky, M. M. (1996). *Comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages: the image of the world and the worlds of images*. Moscow: VLADOS. 415 p. ISBN 5-87065-101-8. (In Russ.).
- Maranda, P., Kengas-Maranda, E. (1985). Structural models in folklore. In: *Foreign research on the semiotics of folklore*. Moscow: Nauka. 194—260. (In Russ.).
- Pyataeva, N. V. (2005). From the lexical nest to the genetic paradigm: to the problem of dynamic description of the lexical system of the language. *Bulletin of the Orenburg State University*, 11: 115—121. (In Russ.).
- Rakhilina, E. V. (2008). *Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility*. Moscow: Russian dictionaries. 417 p. SBN 5-93259-016-5. (In Russ.).
- Steinberg, N. M. (1976). *Affixal word formation in French*. Leningrad: Leningrad State University. 204 p. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1981). Vedic rta-: on the correlation of semantic structure and etymology. In: *Etymology (1979)*. Moscow: Nauka. 139—156. (In Russ.).
- Urusov, Kh. Sh. (1980). *Morphemics of the Adyghe languages*. Nalchik: Elbrus. 402 p. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russian dictionaries. 416 p. ISBN 5-89216-002-5. (In Russ.).

*The article was submitted 15.02.2023;
approved after reviewing 13.05.2023;
accepted for publication 22.05.2023.*